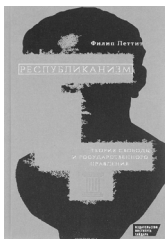

Республиканизм: исправление «кривой тесины»

Филип Петтит. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / Пер. с англ. А. Яковлева. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. — 488 с.

В ОЛЕЮ судьбы выход русского перевода ключевой книги Филипа Петтита¹ «Республиканизм» (1997) пришелся на поворотный момент современной истории — американские президентские выборы, на которых победил Дональд Трамп. При ином раскладе можно было бы обсудить очередной успех республиканской мысли: после своего «возрождения» в 1980-х годах благодаря параллельным усилиям историка Квентина Скиннера и философа Филипа Петтита республиканизм сначала стремительно завоевал популярность у политических теоретиков в англоязычном мире, а теперь, наконец, утвердился в качестве опорного ориентира и в нашем политическом дискурсе. Русскоязычному читателю уже доступны сочинения Скиннера, но монография Петтита выходит впервые, так что это заметная веха в глобальной экспансии данной школы. Однако победа антисистемного кандидата Трампа, сломавшего традиционные представления о закономерном течении политических процессов, пожалуй, убедительнее любых дебатов вокруг республиканизма выставила напоказ не только его теоретические достоинства, но и серьезные пробелы. Рассказывают, что на следующее утро после поражения Хиллари Клинтон многие преподаватели Принстонского университета, где последние годы трудился Фи-

1. Сложившаяся русская транскрипция ирландской фамилии *Pettit* не соответствует его реальному фонетическому звучанию: «Пéти» с ударением на первом слоге. Услышать, как Филип рассказывает о себе и произносит собственную фамилию, можно, например, посмотрев видеоинтервью 2015 года с Гарри Крейслером из цикла *Conversations with History: Freedom with Philip Pettit* // YouTube.com. 24.04.2015. URL: <https://youtu.be/Kvy86eVwva0>.

лип Петтит, вышли на работу в черном. Этот анекдот — не просто курьез: он гораздо четче расставляет акценты, чем многие академические дискуссии, в особенности в наших условиях, когда складывается впечатление, будто историческая миссия республиканизма состояла исключительно в том, чтобы в очередной раз доказать: либеральная традиция потерпела банкротство. Главный водораздел, символизируемый победой Трампа, проходит вовсе не между двумя определениями свободы, к которым апеллируют соответственно либеральная и республиканская теории, а между идеальным миром, в котором политическая реальность подчиняется рациональным правилам игры, и неидеальным миром, в котором политическая реальность равносильна игре без правил.

Республиканизм в его философской версии, разработанной Петтитом, представляет собой ставку на идеальность политического бытия — наиболее радикальную и последовательную из всех созданных за последние полвека в рамках нормативной философской мысли, известной также под именем аналитической философии. Понятно, что Трамп-политик, пренебрегающий нормами и запомнившийся произнесенной на съезде Республиканской партии фразой «Только я могу это исправить!», в которой сразу усмотрели авторитарный подтекст, является живым воплощением ровно тех черт политической реальности, против которых выступает республиканизм². Академический расцвет этой теории пришелся на годы правления Барака Обамы, выпускника Гарвардской школы права и сторонника доктрины «умной силы»; в этих условиях ставка на идеальные представления об устройстве политического бытия не казалась чрезмерно оптимистичной. Успех Хиллари Клинтон, также бывшего юриста, стал бы еще одним подтверждением благоприятной для республиканизма тенденции к росту нормализации и предсказуемости политических реалий. Но в новых условиях торжества непредсказуемости политическое мышление, хотя и не опровергает прямо республиканскую теорию, все же заставляет задуматься о том, насколько оправданной оказывается ставка на идеальность в далеком от совершенства мире. Вероятно, победа Трампа обозначит апогей глобальной экспансии республиканизма: оплоты нормативизма — лучшие американские

2. Во избежание путаницы приходится оговаривать, что к практической деятельности Республиканской партии США республиканская политическая теория, созданная ирландцем Петтитом и британцем Скиннером, не имеет никакого отношения. В данной статье, как и в русском переводе книги Петтита, «республиканцы» — это сторонники республиканской формы правления и республиканской теории, а не члены политической партии.

университеты, обеспечившие академическую легитимацию этой теории, — будут вынуждены теперь изменить свою исследовательскую повестку в сторону интереса к неидеальному.

Однако это не значит, что книга Петтита, едва появившись в русском переводе, уже потеряла свою актуальность. Никакое учение не является панацеей; чтобы теория приносила пользу, необходимо уметь ее применять. В этом смысле мало что изменилось: теория Петтита еще надолго останется непревзойденной, независимо от сиюминутных перипетий реальной политики. Дело в том, что он не просто сформулировал некоторую теорию или подвел философское основание под итоги исторических исследований «кембриджской школы», — подобная квалификация вклада Петтита в современную философию совершенно не отражает подлинного размаха его теоретических планов и достижений. Конкретно книга «Республиканизм», хотя и является центральным элементом теории, по сути представляет собой всего лишь наиболее заметную и общедоступную часть многоярусной конструкции, возведенной Петтитом за несколько десятилетий философского творчества. В фундаменте этого грандиозного сооружения — аналитическая теория действия и философия сознания; причем Петтит не просто заимствовал чужие результаты, но внес свой оригинальный, иногда решающий вклад в развитие этих базовых дисциплин современной аналитической мысли³. В области философии сознания он тесно сотрудничал — в том числе создал ряд работ в соавторстве — с Фрэнком Джексоном, автором классического мысленного эксперимента «Комната Мэри»⁴. Первоначально Джексон полагал, что его аргумент доказывает автономное существование «квалиа», а следовательно, и человеческого сознания; однако именно критика со стороны Петтита убедила его сменить мнение на прямо противоположное, и сегодня он выступает с позиции физикализма. В области философии действия Петтит запомнился определениями агентности, интенционального и разумного действия. В последнем случае он предложил независимое от Сола Крипке разрешение знаменитого парадокса следования правилу, выдвинутого Людвигом Витгенштейном: согласно Петтиту, разумность действия, одним из элементов которой яв-

3. *Pettit P.* The Common Mind: An Essay on Psychology, Society, and Politics. N.Y.: Oxford University Press, 1996.

4. *Ludlow P. et al.* There's Something about Mary: Essays on Phenomenal Consciousness and Frank Jackson's Knowledge Argument. Cambridge, MA.: MIT Press, 2004.

ляется способность следовать правилу, возникает лишь благодаря влиянию на агента со стороны сообщества⁵. В итоге два важнейших результата, полученных в области теории сознания и теории действия, становятся фундаментом политической теории: первый из них указывает на принципиальную согласованность политической реальности с естественно-научной картиной мира, а из второго непосредственно следует важнейшая для республиканской теории взаимосвязь между индивидуальной разумностью и общим делом.

Чтобы поместить содержание «Республиканизма» в широкий контекст философии Филипа Петтита, необходимо упомянуть и некоторые результаты, полученные им после выхода книги. Прежде всего они представлены в отдельной монографии «Теория свободы» (2001), в которой политическое измерение республиканской свободы приводится в соответствие с тем, как понимается свобода на индивидуальном уровне⁶. Петтит показывает, во-первых, что единственно политически значимым ответом на проблему свободы является компатибилистский тезис о совместимости естественно-научного детерминизма с индивидуальной свободой; а во-вторых, что из трех доступных концепций индивидуальной свободы — свобода как возможность поступить по-другому, свобода как обладание своими поступками (Гарри Франкфурт) и свобода как ответственность (Питер Стросон) — следует предпочесть последнюю. Другое направление теоретической активности Петтита — его радикальный подход в этике, где он выступает с позиции глобального консеквенционализма, согласно которому о моральной оправданности поступка необходимо судить на основании всех его последствий; впрочем, республиканизм, будучи попыткой совместить научную рациональность с разумом сообщества, включает в себя элементы контракталистской моральной теории Томаса Скэнлона⁷. В философии права, где Петтит вслед за Гербертом Хартом строго придерживается позиции юри-

5. *Pettit P. The Common Mind. P. 2; Kripke S. A. Wittgenstein on Rules and Private Language: An Elementary Exposition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.*

6. *Pettit P. A Theory of Freedom: From the Psychology to the Politics of Agency. N.Y.: Oxford University Press, 2001.*

7. *Pettit P. et al. The Inescapability of Consequentialism // Luck, Value and Commitment: Themes from the Ethics of Bernard Williams / U. Heuer, G. R. Lang (eds). Oxford, UK: Oxford University Press, 2012. P. 41–70; Pettit P. Just Freedom: A Moral Compass for a Complex World. N.Y.: W. W. Norton, 2014; Scanlon T. What We Owe to Each Other. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.*

дического позитивизма, он предложил новое обоснование фундаментальных прав и свобод⁸. Наконец, венцом всей конструкции следует признать республиканскую теорию международных отношений, основные положения которой были представлены в одной из последних книг Петтита⁹.

Если после перечисления этих концептуальных подробностей у читателя закружится голова, это вполне здоровая реакция организма, даже для профессиональных философов. Тотальность подхода Филипа Петтита поражает его коллег. Он не просто выдвинул какую-то оригинальную теорию — фактически он чуть ли не единственный современный аналитический философ, который осуществил сквозной синтез всех ключевых достижений аналитической мысли, заставив работать друг на друга результаты из самых разных областей философского знания. Большая редкость в этой школе мысли, скорее располагающей к тому, чтобы узкие специалисты, например по теории сознания и международному праву, никогда не испытывали потребности в академическом общении. К тому же этот синтез оказался отнюдь не эклектичным, но весьма методологически жестким, если не сказать радикальным, и при этом — на удивление осмысленным. Представьте себе на первом этапе, что главный источник произвола — частный «человеческий фактор» — последовательно удаляется из всех сфер социальной реальности: мы устраним «квалиа» из философии сознания, изгоняем субъективизм из этики, исключаем судейский произвол в толковании законов. На втором этапе мы постулируем, что допуском в политическую онтологию обладает лишь нечто принципиально ясное, репрезентируемое и общедоступное: реальность — только естественно-научная, рациональность — общая для всего сообщества, нормы — только общеизвестные и общезначимые, политический суверенитет — только разделяемый между всеми. В итоге мы получаем чрезвычайно продуманную теорию. Для точного описания ее предельной логики, пожалуй, уже не хватает внутренних ресурсов самой аналитической философии; здесь уместнее воспользоваться хайдеггеровским понятием «представляющего мышления». Следует абстрагироваться от того, что для самого Хайдеггера эта квалификация была проклятием и синонимом «конца философии». Петтит, по собственному признанию в моло-

8. *Pettit P.* The Instability of Freedom as Noninterference: The Case of Isaiah Berlin // *Ethics*. 2011. Vol. 121. № 4. P. 693–716.

9. *Idem.* Just Freedom.

дости испытывавший кратковременное увлечение «континентальной» мыслью, будто бы поставил своей целью исследовать все возможности «представляющего мышления», придав ему положительное толкование. В этом смысле его теорию следует признать если не высшим достижением современной аналитической философии, то во всяком случае наиболее последовательной попыткой сконцентрировать все самое в ней полезное для человеческой жизни и политического общения. Но, пожалуй, самым сильным интеллектуальным шоком становится то, что продуктом этого крайне амбициозного замысла оказывается не какая-то абстрактная и сложная мешанина взглядов, а вполне ясная и убедительная в своей принципиальной строгости и формальной красоте мысль — «республиканизм», который чуть ли не весь сводится к одному-единственному философскому принципу: определению политической свободы через понятие не-доминирования.

Я счел необходимым рассказать о контексте книги, прежде чем перейти к ее содержанию, потому что интерпретации теории Петтита нередко ограничиваются разъяснением республиканского принципа свободы, который является элегантным резюме чрезвычайно обширного поля размышлений. Не понимая контекст возникновения этого принципа, легко ошибиться в его применении, а главное — упустить из виду перспективу развития республиканской теории, в результате чего утрачивается логическая связь между ее отдельными звеньями. Определение свободы как не-доминирования занимает первостепенное место в любом изложении республиканизма, поскольку оно служит концептуальным интерфейсом, объединяющим исторические штудии Скиннера и философскую программу Петтита. Однако излишняя заикленность на этом принципе приводит к невольному смешению разрозненных исторических фактов и строгой философской аргументации, которые обладают совершенно равноправной и независимой значимостью в республиканизме. Разумеется, республиканцы убеждены, что их история и философия поддерживают друг друга. Петтит, неплохо знающий историю, но скромно оценивающий свои познания на фоне выдающегося коллеги-историка, и сам охотно приводит исторические свидетельства в пользу почтенной генеалогии республиканского понимания свободы, восходящего к древним римлянам. Но его политическая философия полностью сохраняет самостоятельную ценность, даже если рассматривать ее как абстрактное нормативное учение, выводы которого определяются реалиями республиканского Рима не больше, чем геометрические теоремы. Если Скиннер раскрывает пе-

ред нами прошлое республиканизма, то Петтит на наших глазах конструирует его будущее. Принцип не-доминирования оказывается тем самым мгновением настоящего, в котором их интересы пересекаются.

В самой книге Петтит предлагает читателю по традиции пройти путь от простого к сложному — от представления принципа свободы к описанию его воплощения на разных уровнях политической реальности; по той же схеме строятся и некоторые его недавние книги¹⁰. Вообще Петтит крайне рациональный автор: его тексты отличаются аналитической ясностью, в конце монографии или даже статьи он обычно предлагает сводку всех основных разделов и не стесняется воспроизводить в последующих работах собственные прежние удачные примеры и аргументы.

Структура книги «Республиканизм» зеркально симметрична: она состоит из двух частей, в каждой из которых по четыре главы, не считая общего «Введения» перед первой частью и «Краткого изложения» по окончании второй части. Первая часть издания посвящена республиканской теории свободы, вторая — республиканской политике. Вероятно, для русскоязычного читателя первая часть окажется более доступной, чем вторая. Нормативная политическая теория не является привычным для нас методом политического мышления. Поэтому там, где она менее всего походит на себя, то есть в рассмотрении исторического материала, а также взглядов политических философов прошлого, она более всего походит на общепринятый у нас способ рассуждения о политике. Но именно эта иллюзия прозрения в то, что на самом деле изложено на чужом философском языке, может воспрепятствовать серьезному восприятию того главного, что есть в книге, — решение по радикальному переустройству политического сообщества на республиканской основе.

Сюжетная канва исторической конкуренции между либерализмом и республиканизмом давно уже не новость: русскоязычному читателю она знакома по работе Скиннера «Свобода до либерализма»¹¹. В первой части своей книги Петтит воспроизводит основные моменты этого «мифа об основании», с помощью которого возрождающийся республиканизм в 1980-е годы легитимировал свои претензии на место лучшей политической теории под солнцем Запада. Но нам незачем вдаваться в подробности этой ис-

10. *Idem*. On the People's Terms: A Republican Theory and Model of Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2012; *Idem*. Just Freedom.

11. Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб.: ЕУСПб, 2006.

торической реконструкции, поскольку в системе ценностей самой нормативной философии она не имеет никакого значения. Республиканизм должен одолеть либерализм не в прошлом, а в настоящем и будущем, и с помощью аргументов, а не прав наследования. В середине 1990-х годов, когда создавалась книга Петтита, были живы еще два крупнейших либеральных мыслителя XX века — Исая Берлин и Джон Ролз. Спустя двадцать лет, даже покинув наш мир, они еще остаются основными интеллектуальными соперниками республиканцев, а либеральная теория — главным объектом республиканской критики. Впрочем, Петтит приводит возражения против коммунитаристов и «популистов», к числу которых относит, например, Ханну Арендт¹². Но эти мыслители не удостаиваются и десятой доли того внимания, которое Петтит уделяет либерализму. В наших актуальных условиях почти всеобщей аллергии на либерализм сам по себе факт критического отношения к этой теории, скорее всего, будет неверно истолкован. Поэтому необходимо особенно подчеркнуть, что Петтит спорит с Берлином и Ролзом ровно потому, что считает либеральную теорию наиболее достойным выбором после республиканской. Петтит не полемизирует с Карлом Шмиттом и почти не удостаивает критики Ханну Арендт не потому, что считает их политические воззрения менее уязвимыми для республиканской критики, но потому, что, с его точки зрения, спорить в этих случаях просто не о чем. Торжество республиканизма мыслится им не как радикальное отклонение от либерального пути, по которому движется Запад, но как необходимая коррекция курса, как интеллектуальный «апгрейд» либерализма.

В первой части книги речь идет о принципе свободы, однако это лишь вершина айсберга. По-настоящему важная историческая тенденция, склонявшая чашу весов в сторону республиканизма в современном мире (после Второй мировой войны, в эпоху до Трампа и Брежнев), заключалась в постепенном ослаблении недоверия к государству в западных странах. Их жители все смелее и увереннее видели в политических институтах инструменты для реализации собственных целей; напротив, все менее понятной для них оказывалась точка зрения Берлина, написавшего свой знаменитый текст о свободе в 1958 году, когда во всем мире еще слишком свежи были воспоминания о борьбе государств против своих граждан. Минималистический либеральный проект Берли-

12. Берлин И. Два понимания свободы // Философия свободы. Европа. М.: НЛО, 2001.

на, по сути, решает одну-единственную задачу — защитить островок свободы в океане тирании. Пост-берлиновский либерализм Ролза был компромиссной теорией, в которой пробудившееся доверие к «большому правительству» еще ограничивалось унаследованной от Берлина скромностью политических амбиций. Республиканизм доводит эту историческую тенденцию до конца, исключая разрыв в интересах между государством и гражданами. Если Берлин призывал минимизировать отношения с государством, поскольку оно нам не друг, то Петтит призывает их максимизировать, использовать всю мощь государства, поскольку государство — это мы: «народ — доверитель, государство — распорядитель» (44). По его словам:

В политическом смысле [республиканцы] более оптимистичны, а в социальном — более радикальны (259).

Рассуждая абстрактно, невозможно сказать, кто из них прав. Исторические тенденции меняются, поэтому вполне вероятно, что в эпоху Трампа либеральные аргументы обретут второе дыхание, тогда как республиканские покажутся излишне оптимистичными. На мой взгляд, либерализм и республиканизм — две разные артикуляции одного способа решения политических проблем, апеллирующего к ресурсам того, что можно называть общим политическим языком. Конъюнктурная применимость той или иной артикуляции объясняется не преимуществом аргументов, но устройством конкретной политической реальности. Скорее всего, в российских условиях скачкообразный переход к республиканизму, минуя стадию либерализма, едва ли возможен, поэтому к республиканской критике либерализма в книге Петтита русскоязычному читателю стоит отнестись примерно так же, как к дискуссиям среди специалистов по теории струн: даже если физики не согласны в формулировке отдельного принципа, нужно иметь в виду, что по поводу научного и ненаучного способов мышления между ними царит полное единодушие.

В первой части книги Петтит стремится обосновать преимущество республиканского принципа свободы (когда она понимается как не-доминирование) над либеральным принципом (когда свобода понимается как не-вмешательство). По степени лаконичности различие между этими принципами способно поспорить со знаменитым «филиокве». Определения свободы в либерализме и республиканизме отличаются одним словом, ведь не-доминирование понимается как отсутствие *произвольно-*

го вмешательства. Аргументы, которые Петтит приводит в пользу республиканского принципа, убедительны, только если читатель готов разделить его точку зрения на отношения государства и гражданина. Вообще берлиновский взгляд на свободу, обремененный его близким знакомством с советскими реалиями, почти сразу перестал быть понятен аналитическим теоретикам. Петтит в первых строках сообщает читателю, что Берлин следует традиции XVIII века, оставляя, таким образом, за бортом дискуссии решающий для автора «Двух пониманий свободы» тоталитарный опыт XX века. Петтит отождествляет «позитивное понимание свободы», которое у Берлина связывается с воздействием идеологии, со «свободой древних», о которой говорил Бенжамен Констан. Это не совсем верная генеалогия концепта, поскольку, согласно Берлину, мощь воздействия идеологии на человека является открытием XX века и не была известна еще даже Джону Стюарту Миллю в XIX веке. В итоге два теоретика свободы, Берлин и Петтит, живут в параллельных реальностях: в реальности Петтита концепция позитивной свободы интересна разве что маргинальной группе ценителей — «романтиков Контрпросвещения», тогда как в реальности Берлина такие опасные концепции, «выпадая из внимания тех, кому положено их осмыслить, приобретают неконтролируемый размах, вовлекают в свою орбиту массы людей и становятся неуязвимыми для рациональной критики» (55)¹³. В эпоху триумфа «постправды» все труднее с уверенностью утверждать, что мы живем в реальности именно Петтита, а не Берлина. Исторический контекст берлиновского принципа свободы для Петтита остается настолько чуждым, что он сближает позиции Берлина и Арндт, чем, несомненно, шокировал бы обоих (56). Книга «Республиканизм» была одной из первых попыток Петтита доказать приоритет принципа не-доминирования над принципом не-вмешательства. Очевидно, его вдохновлял пример самого Берлина, который в свое время доказал приоритет принципа не-вмешательства над еще одним негативным принципом свободы — принципом не-фрустрации, согласно которому я свободен, если могу делать то, что хочу. Поэтому даже через 15 лет после первой публикации «Республиканизма» для самого Петтита этот спор о лучшем принципе свободы еще не был закончен. Какие бы любопытные исторические факты ни приводились в книге, в нормативной философии засчитываются только логические аргументы, поэтому в 2011 году он опубликовал

13. Ср.: Там же. С. 124.

статью, где предложил чисто аналитическое доказательство преимущества не-доминирования над не-вмешательством¹⁴. Однако еще одна особенность республиканской политической онтологии мешает признать и это его доказательство окончательным. Даже если не-доминирование лучше не-вмешательства, а не-вмешательство лучше не-фрустрации, остается возможность того, что не-фрустрация окажется лучше не-доминирования, так что взаимоотношения трех принципов свободы будут напоминать детскую игру «Камень, ножницы, бумага»¹⁵. Петтит даже не рассматривает этот вариант, потому что в его реальности строго индивидуальному суждению о свободе, к которому апеллирует принцип не-фрустрации, просто нет места (об этом подробнее говорится ниже). В нормативном мире не бывает сингулярностей; другой излюбленный способ Петтита высказать то же самое отсылает читателя ко II книге «Государства» Платона: согласно Петтиту, наш мир — это не мир Гига¹⁶. Однако это всего лишь аксиома, относящаяся к рамочным условиям мышления о политике; при отказе от этой аксиомы доказательство приоритета не-доминирования повисает в воздухе.

Отсутствие бесспорного приоритета в реальности не мешает республиканскому принципу свободы быть привлекательным политическим идеалом. В конце концов, реальное и идеальное измерения политики могут существовать изолированно. Аргументы, приводимые Петтитом в пользу республиканского идеала в 3–4-й главах, чрезвычайно убедительны. Впрочем, к чести Берлина, следует заметить, что он едва ли собирался рекомендовать в качестве идеала политическую реальность, в которой государство противостоит собственному населению; напротив, он стремился спасти политику от такой реальности. Если помнить об этом, становится понятно, что республиканизм — это не что иное, как идеальная версия либерализма. Принципиальная поправка, которую Петтит вносит в либеральное понимание свободы, как раз и позволяет преодолеть разрыв между реальным и идеальным. Республиканизм усматривает источник политического зла в «человеческом факторе» — в «произволе», который приводит к зависимости че-

14. *Idem*. The Instability of Freedom as Noninterference.

15. Gloukhov A. Non-Priority of the Freedom Principles: Non-Frustration, Non-Interference, Non-Domination // Review of Contemporary Philosophy. 2016. Vol. 15. P. 108–131.

16. Гиг (Гигес) — лидийский пастух, нашедший кольцо невидимости, что сделало его существование исключительным, не подчиняющимся общим правилам.

ловека от человека. Республиканский принцип свободы оказывается потому столь ценным для политической философии, что в нем содержится универсальное нормативное требование исключения «человеческого фактора» из политики. Согласно известному тезису, республика — это власть законов, а не людей. Последовательно прилагая принцип не-доминирования как лакмусовую бумагу ко всем областям политики, Петтит выявляет и нейтрализует все «произвольные» моменты, получая на выходе гладкую законосообразную версию политического бытия, то есть не что иное, как политический идеал.

Интересно, что «произвол» устраняется не только в том, как другие относятся ко мне, но и в том, как я отношусь к другим; так возникает понимание свободы как статуса. В данном случае опять-таки исторические коннотации — связь с понятием «статуса римского гражданина» — второстепенны. Статус не только обеспечивает ресурсами формальные права и свободы граждан, но и стабилизирует поведение людей в обществе. Когда участники политического общения твердо знают, что в распоряжении каждого всегда есть эффективный ответ на любую несправедливость, отношения становятся более уважительными, а значит, и предсказуемыми.

Разумеется, Петтит не довольствуется описанием республиканского идеала, он стремится показать, что такой идеал реализуем. Для этого ему нужно решить вопрос о том, как расширить сферу идеального политического бытия, внутри которой все граждане равноправны и независимы, живут по законам, которые принимают для себя сами, в результате чего их свобода не терпит никакого ущерба. Одно из очевидных препятствий состоит в том, что, как кажется, существуют области, в которых доминирование допустимо и даже полезно; тогда как республиканизм устраняет любой произвол в отношениях между людьми, в том числе благотворный. К примерам такого рода можно причислить отношения между родителями и детьми, ведь обычно считается, что власть родителей над детьми, или, если выразиться более мягко, зависимость детей от родителей, благотворна. Республиканизм отвергает эту точку зрения (как и, например, пользу частной благотворительности). У детей общественный статус должен быть ровно такой же, как у взрослых (216–217). Статус предполагает не просто теоретическую возможность пойти в суд, но и наличие материальных средств защиты своей независимости. Проблема с этим аргументом Петтита заключается даже не в том, что он ужаснет противников ювенальной юстиции, но в том, что он,

по-видимому, входит в противоречие с приоритетом разумности, который неявным образом лежит в основе всей республиканской теории.

Тема осуществимости республиканского идеала становится центральной во второй части книги, где обсуждаются «институциональные следствия» республиканского понимания свободы. Эта часть знаменует собой окончательный отход от опоры на республиканское прошлое в сторону свободных философских размышлений о будущем. Она открывается важнейшим разделом, в котором обсуждается логическая конструкция «республиканского языка» (231–257). Принципиальное различие между либерализмом в версии Берлина и республиканизмом Петтита заключается в отношении к тому, что можно назвать существованием общего языка политической реальности, которое в теории Берлина находится под постоянной угрозой со стороны идеологии, расщепляющей как сознание индивида, так и публичную сферу на две шизофренические полусферы тирании и рабства. В теории Петтита существование общего языка считается в целом беспроблемным, хотя и не данным автоматически. Республиканизм исходит из того, что отдельные голоса всегда можно вписать в общую дискуссию. Петтит рассматривает четыре примера согласования своеобразных политических повесток с общим республиканским делом: энвайронментализм, феминизм, социализм и мультикультурализм (уже сам этот перечень сегодня способен вызвать легкую ностальгию по девяностым, когда мир, казалось, был проще). Социалистическая повестка оказывается самым простым случаем, но лишь по одной причине: из нее заранее устранен марксистский радикализм, отрицающий наличие общего языка, на котором могут договориться пролетариат и буржуазия. Социалисты склонны признавать действующие законы, а республиканцы склонны признать бедность разнообразностью зависимости. В итоге и те и другие считают законным право рабочих на забастовку, квалифицируя ее как *единственную* форму борьбы против эксплуатации (249). По той же причине, по которой республиканизм поддерживает социалистическую политику, он отвергает коммунистическую. Дискуссия о включении феминистской повестки в общее дело способна удовлетворить лишь отчасти: она предсказуемо не доходит до рассмотрения идей третьей волны феминизма, которая сознательно уклоняется от такого включения (246).

Весьма красноречивой оказывается дискуссия об энвайронментализме, именно потому, что Петтит с самого начала призна-

ет расхождение между концептуальным языком «зеленых», в котором человек — угроза, а не центр внимания, и «антропоцентричным» республиканским языком. Как же включить в общее дело изолированный язык совершенно иного типа? Петтит уверен, что в значительной мере перевод между этими языками удастся произвести: на «эгоистичном» языке человеческого сообщества можно выразить многие требования охраны окружающей среды — например, объяснить, почему людям выгоднее, когда природа процветает, чем когда она гибнет. Дальше начинается самое интересное: как же поступить с теми радикальными частями энвайронменталистской повестки, которые не поддаются трансляции? Петтит приходит к выводу:

Радикальный энвайронментализм... сам не предлагает такого языка для выражения недовольства и претензий, который имел бы шансы привлечь внимание людей, не принадлежащих к зеленому движению. Его язык слишком узок, слишком тесно связан с особым взглядом на мир, чтобы обладать общезначимостью, к которой мы стремимся в политической дискуссии. <...> ...он не способен повлиять на политическую жизнь. Выраженный в рассмотренных выше терминах, радикальный энвайронментализм выглядит сектантским движением, аналогичным другим известным религиозным группам, а поднимаемые им проблемы игнорируются (239–240).

Иными словами, невозможность трансляции в трудных случаях трактуется не как вызов, с которым должно иметь дело республиканское общество, но как неудача для самого частного языка, который оказывается неспособен вписаться в общее дело. Ценность этого примера выходит далеко за пределы энвайронменталистской тематики, ведь сам Петтит предлагает аналогию между радикальными представителями «зеленого движения» и религиозными фанатиками. Негласным условием такой трактовки является заведомое преимущество в политической мощи республиканского общества над частной повесткой. В сегодняшних реалиях уверенность Петтита в том, что трудности перевода — это исключительно проблема тех, кто не спешит присоединиться к общему делу, кажется все менее обоснованной. Невозможно игнорировать тот факт, что радикализованные одиночки и группы находят все более резонансные способы влиять на общественное умонастроение, а внутри самого «общества-прародителя» внезапно обнаруживаются значительные слои «молчащего большинства», которое испытывает сходные проблемы со включением своих взглядов в об-

щеполитическую повестку, так что оно готово пожертвовать республиканскими идеалами ради шанса быть услышанными хотя бы ценой того, что их голосом становится лидер харизматического типа (ср. обращение Трампа к своим избирателям на съезде Республиканской партии США: «Я — ваш голос!»).

Анализ того, как Петтит решает проблему включения в общий язык мультикультуралистской повестки, позволяет сделать важные выводы о его методологических приоритетах. Этническая или религиозная группа выделяется в обществе благодаря наличию своего частного языка. Однако, поскольку она признается обществом как некоторое «меньшинство», она уже так или иначе представлена в общем как нечто своеобразное, так что республиканизм не видит проблем в том, чтобы учесть интересы различных «меньшинств», выровняв их статусы на среднем уровне. Легко заметить, что Петтит вновь полагается на то, что меньшинства стремятся быть представленными в республиканском сообществе, тем самым автоматически решая проблему перевода между своим языком и общим. Как минимум две ситуации он сознательно игнорирует в этом рассуждении. Во-первых, радикальные группы, скорее всего, будут пренебрегать легальностью; в этом случае расчет, видимо, делается на то, что силовое преимущество республики будет неоспоримым, так что у радикализма не остается шансов. Во-вторых, у отдельного человека нет возможности выразить личное мнение; для гражданина единственный способ включить свою проблему в общественную повестку заключается в том, чтобы ассоциировать себя с тем или иным меньшинством: «если человек хочет взяться за дело своего освобождения... то он должен идентифицироваться с общим делом других в своем классе уязвимости», признать свое «членство в культуре меньшинства» (253). В итоге отдельный человек не имеет слова в республике, когда высказывается исключительно от самого себя, ведь в таком случае возникает неопределенность перевода со своего языка на общий. Философски это, вероятно, связано с глобальным запретом на «приватную речь», которого придерживается аналитическая школа.

Отсюда следует несколько важных выводов по теме, которая остается на периферии основного содержания книги «Республиканизм», — о философской власти. «Республиканизм» — не политический, а философский проект в том смысле, что в его основе лежит не компиляция разрозненных интуиций реального политического сообщества, а некоторое философское видение, выступающее в качестве образца для реальности. Философский

республиканизм радикально антиметафизичен, в нем исключаются любого рода единства, начиная с верхнего уровня единства политической власти и заканчивая самым нижним уровнем единства отдельного, не входящего в социальные группы гражданина. Политическая онтология последовательно плюралистична на всех уровнях, причем множественность отдельных элементов как «меньшинства», так и «большинства» оказывается не разрозненной, а нормируемой в рамках общего республиканского языка. Для того чтобы разбить все единства на множества, потребуются политические ресурсы; в связи с чем возникает вопрос, остающийся в «Республиканизме» без явного ответа: откуда республика черпает политические и материальные силы? Где концентрируются эти ресурсы, можно указать однозначно, ведь чуть ли не единственное сохраняющееся единство во всей республиканской реальности — это сама республика как плюралистическая система нормализованных отношений (и то лишь в ограниченной мере; см. об этом ниже). Как следует из последней главы книги, жители должны обладать гражданской добродетелью, «гражданственностью», должны желать установления и сохранения республиканского строя, быть бдительными, оберегая его от посягательств. С точки зрения Петтита, которую он разделяет с коммунитаристами и всеми сторонниками приоритета общественного над частным, в опоре на гражданственность нет ничего сверхъестественного, никакого «чуда»: ставить групповые и общие интересы превыше своих так же естественно, как дыхание; такова «наша феноменология» как вида живых существ (434). Предсказуемо он критикует либерализм за описание реальности как конкуренции, а не сотрудничества. Но Петтит вполне точно указывает стоимость республиканской онтологии:

Гражданственность является не просто отрицанием Я. Это также разрешение другим идентичностям взять верх над вашей самостью (436).

В терминах самой республиканской теории это означает, что доминирование групповой идентичности над самостью отдельного человека не считается нарушением свободы, потому что признается соответствующим человеческой природе. Более того, только вследствие подчинения своего личного групповому гражданин приобретает свободный статус и свободную речь. В этих выводах нет ничего неожиданного, они выдержаны вполне в духе

республиканской традиции; достаточно вспомнить знаменитое рассуждение Жан-Жака Руссо из главы VII «Общественного договора»:

...если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его *силою принудят быть свободным*¹⁷.

Руссо артикулирует то, что у Петтита подразумевается по умолчанию. Республиканизм Петтита отрицает отнюдь не все виды доминирования, но лишь те, которые противоречат плюралистической онтологии; напротив, доминирование, направленное на превращение единств во множества, считается способствующим свободе¹⁸. Республиканизм тем самым определяется как ставка на специфическое устройство человеческой природы и политической реальности. Все встречные ставки рассматриваются как проигрышные либо неадекватные. Философ судит о них с позиции силы. Если радикальная группа не хочет включаться в общее дело, то республика ее просто проигнорирует — в уверенности, что радикалы от этого потеряют. Если личные отношения, такие как любовь или дружба, опираются на акты личного доверия, о которых неуместно судить в терминах статуса и не-доминирования, то республиканцы великодушно позволяют им «быть» — в уверенности, что никакой угрозы республике из этого не возникнет (450). Это ставка на то, что договор в конечном счете первенствует над заговором, а явное — над тайным. Даже если это не вполне убедительный образ реальности, это вполне привлекательный идеал. Петтит совершенно честен с читателем в том, что предлагает в своей книге именно идеал и рассчитывает увлечь им свою публику.

В конечном счете «Республиканизм» — это древняя философская ставка на власть великой идеи, единственного единства, которому позволено неограниченно править в плюралистической республиканской онтологии. На протяжении всей книги Петтит полемизирует с Платоном, очень точно выбирая ключевой момент расхождения с древним греком — формулировку основной про-

17. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 164. Курсив мой. — А. Г.

18. По классификации Исаяи Берлина, это несомненный случай позитивного понимания свободы, поскольку возникает конфликт интерпретаций «естественного» и «противоестественного»; Петтит отказывается считать республиканское определение свободы позитивным, потому что, во-первых, смешивает теории Константа и Берлина, во-вторых, не допускает существования какого-либо языка, помимо республиканского.

блемы политической реальности, которая во II книге «Государства» представлена через историю лидийского пастуха Гига (261, 358, 360, 377, 445)¹⁹. Тем не менее в главном эти два философа схожи: оба, пусть и с разной степенью откровенности, передают политику во власть философии. Возможно, наиболее выразительным приоритет нормативного разума становится в другой книге Петтита, название которой можно перевести как «По воле народа» (*On the People's Terms*, 2012), что в данном контексте звучит скорее иронично. Проанализировав неизбежные для демократии парадоксы, связанные с процедурой голосования, которые принуждают ввести иерархию политических ценностей, Петтит склоняется к тому, чтобы пожертвовать прямой демократией и мажоритарностью в пользу рациональности выбора²⁰. Понятно, что определение последней относится к компетенции философов. В «Республиканизме» похожий момент возникает в главе 6 при обсуждении темы рассредоточения власти. Поддержание плюрализма требует особых и даже необычных мер, направленных на устранение единства политического суверенитета. Помимо двухпалатной системы и федеративного устройства, Петтит предусматривает «передачу власти в руки международных организаций, которые занимаются толкованием... договоров», которыми республиканские правительства соглашаются себя связывать (308–309). Нетрудно предположить, что в наднациональных органах власти роль специалистов по нормативному разуму будет решающей.

Философы — единственное «меньшинство», принадлежность к которому не просто включает в общее дело, но наделяет особыми правами устанавливать нормы рациональности, служащей опорой республиканскому языку. Интересно, что осмысление политической позиции философии в самой нормативной теории не приветствуется. Последним релевантным мыслителем свободы, высказывавшимся на этот счет, был даже не Исайя Берлин, а его великий предшественник Джон Стюарт Милль.

Не менее любопытна судьба другого понятия, которое находится в центре республиканской теории, но, в отличие от философии, открыто претендует на главенствующую роль, — понятия «народ». Естественная народность, вероятно, играет некото-

19. См. также: Глухов А. Перехлест волны: Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 329.

20. Pettit P. On the People's Terms. P. 191–194. Ср.: Pettit P. Республиканизм. С. 311.

рую побочную роль в республиканизме: в недавней книге Петтит рассуждает о семье западных народов как близких друг к другу в политическом отношении²¹. Однако в отличие, например, от Ханны Арендт он не рассчитывает на то, что культурные и исторические черты конкретного народа имеют значение для успеха политического сообщества. Не только народ создает республику, но и республика воспитывает своих граждан. Петтит признает, что здесь возникает парадокс: «Если семя не посеять, оно не прорастет» (447). Но ввиду стратегической устремленности республиканского проекта к идеалу становится понятно, как этот парадокс разрешается. В движении к идеалу важны не столько стартовые условия, сколько точность попадания в цель. Республиканский народ — продукт правильного воспитания, осуществляемого под руководством философов; это результат сборки различных групп, способных на самоидентификацию в общей республиканской речи.

* * *

Добавлю несколько слов о переводе. Прежде всего я хотел бы поблагодарить переводчика книги Анатолия Яковлева за возможность читать Петтита по-русски: несомненно, это поможет распространению и обсуждению республиканских идей. Имея собственный переводческий опыт, я понимаю, какого труда стоило создание вполне читабельного русского текста. Тем не менее я хотел бы поделиться некоторыми разрозненными замечаниями, которые, возможно, пригодятся при переиздании.

На странице 25 название ранней книги Петтита *The Common Mind* переводится как «Общее сознание». На мой взгляд, более удачный перевод — «Общее мышление», тем более что термин «мышление» используется переводчиком далее на той же странице. Речь у Петтита идет о том, что рациональное мышление невозможно вне человеческой социальности и общения.

На странице 60 сказано: «С точки зрения Берлина, позитивная свобода состоит в господстве над собой». «Господство над собой» — почти буквальный перевод фразы Петтита *mastery over the self*, которая является модификацией оригинальной фразы Берлина *self-mastery*; этот термин также употребляется Петтитом ниже, из чего можно сделать вывод, что никакого особенного значения со своей модификацией берлиновского понятия автор не связывает, так что этот термин следует понимать «по Берлину». Но тер-

21. *Idem.* Just Freedom.

мин *self-mastery* в эссе Берлина «Два понимания свободы» означает не «господство над собой», а, скорее (в переводе Леонида Седова), «самостояние», определяемое как способность «быть хозяином (самому) себе»²². Между этими русскими выражениями есть тонкое, но, на мой взгляд, заметное различие: во втором случае минимизируется разрыв между двумя «я» — господствующим и подчиняющимся. По Берлину, этот разрыв является главным изъяном позитивной свободы; однако в момент ее первого упоминания в начале соответствующего раздела, где употребляется термин *self-mastery*, он хочет показать ее с привлекательной стороны, как концепцию свободы, а не подчинения; он даже называет этот термин «невинной метафорой».

Наконец, мне хотелось бы указать на одну неточность в переводе:

Достаточность означает, что, если человек не подвергается доминированию в каких-то действиях, если он не подвергается произвольному вмешательству, то какое бы сильное произвольное вмешательство или какую бы сильную непреднамеренную obstruction он ни испытывал, он все же сохраняет свободу (67).

Вместо отмеченного курсивом слова «произвольное» должно быть слово «непроизвольное», согласно оригиналу:

The sufficiency claim is that if a person is not dominated in certain activities — if they are not subject to arbitrary interference — then however much *non-arbitrary* interference or however much non-intentional obstruction they suffer, there is a sense in which they retain their freedom²³.

Эта неточность не портит общего впечатления. Филип Петтит известен изобретательностью своих лингвистических конструкций. Мне довелось присутствовать на семинаре, где англоязычная профессиональная публика не сразу справилась с пониманием его общей формулы индивидуальной свободы из другой его книги — «Теория свободы»: *To be free... is to be fully fit to be held responsible*²⁴, что можно перевести буквально следующим образом:

Быть свободным — значит быть полностью пригодным для того, чтобы считаться способным нести ответственность.

22. Берлин И. Указ. соч. С. 137-138.

23. Курсив в обоих случаях мой. — А. Г.

24. Pettit P. A Theory of Freedom. P. 4.

Мне хочется пожелать удачи будущему русскому переводчику этой важной публикации.

У Исайи Берлина есть книга *The Crooked Timber of Humanity* — по-русски буквально «Кривая тесина человечности», в названии которой присутствует цитата из Канта (на самом деле глубже — из «Никомаховой этики» Аристотеля)²⁵. В сочинении «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Кант констатирует:

... из столь кривой тесины, как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого. Только приближение к этой идее ввела нам природа²⁶.

Либерализм и республиканизм словно поделили между собой это кантовское суждение. Либерал Исайя Берлин считал, что в реальности нет ничего идеального, поэтому политическим теоретикам разумнее ограничиться скромными решениями. Республиканец Филип Петтит настаивает на том, что наш естественный долг — строить грандиозные планы и, несмотря на все препятствия, вести человечество к идеальному государственному устройству.

Алексей Глухов

25. *Berlin I. The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas. Princeton: Princeton University Press, 2013.*

26. *Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. 1784 // Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 14.*